

**Продолжение.
Начало в № 5**

Размышления А.А. Керсновского в его «Истории русской армии» и «Философии войны» над судьбами отечественной военной школы в XIX и начале XX веках своим эпицентром имели именно характер восприятия центральной фигуры «золотого века» русского военного искусства – второй половины XVIII столетия – А.В. Суворова. Почему же его полководчество («золото высшей пробы»), его не знавшая падений военная карьера («орлиный полет от Столовичей до Муттенской долины») в императорской России так больше никогда и не повторилась?

В поисках ответа Керсновский приходит к убеждению, что преемственность с лучшими достижениями отечественного военного искусства не смогла продлиться долее эпохи наполеоновских войн. А все дальнейшее развитие русской военной традиции, чем дальше, тем больше шло под сильнейшим французским и немецким влиянием. Национальное искусство все более утеснялось в своем положительном воздействии, а старавшаяся быть универсальной военная наука на отечественной почве так и не смогла эффективно обобщить и закрепить былые достижения национального гения и, вообще, с невероятным трудом доходила до практики, так и не сумев преодолеть схоластический характер. Военная мощь России после наполеоновских войн вплоть до начала XX века, несмотря на отдельные славные страницы военной истории, внешний, количественный рост, имела тенденцию в отношении качества клониться к упадку.

Разгадать загадку Суворова – это значит объяснить трагическую и противоречивую картину военной истории России второй половины XIX – начала XX веков.

Правомерен ли такой взгляд с современной точки зрения?

Военная система, с которой императорская Россия вступила в фатальную для себя мировую войну, система, которая в своих основах дожила в нашей стране вплоть до начала XXI века, была создана в результате реформ 1860-70-х гг., осуществленных военным министром генералом Д.А. Милютиным.

К моменту своего появления в коридорах высшей власти он был самым популярным и выдающимся профессором Военной академии Генерального штаба, автором первого в ее истории курса военной статистики. Широкою общественную известность и признание в качестве крупного русского военного ученого ему вполне заслуженно принесла первая в отечественной исторической литературе научная работа, посвященная А.В. Суворову, – «История войны между Россией и Францией в царствование императора Павла I в 1799 году». За нее Милютин удостоился полной Демидовской премии и избрания членом-корреспондентом Академии наук. Работа и по настоящее время сохраняет свое научное значение, а в ее авторе легко угадывается как достойный наследник научного творчества основателя русской Военной академии Генерального штаба, одного из крупнейших в Европе военных теоретиков и историков, генерала Г.В. Жомини, так и явно неглубокий военный педагог и психолог. Так, в частности, Милютин делал вывод, что «Суворов не был только подражателем Фридриха Великого, но имел уже те мысли, которые в новейшем военном искусстве обыкновенно называются *Наполеоновскими*». Из такого суждения

А.В. СУВОРОВ И ЕГО НАСЛЕДИЕ В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.А. КЕРСНОВСКОГО

В рамках сотрудничества: МУЗЕЙ – ГАЗЕТА

Газета «Кобрин-Информ» продолжает публикацию наиболее интересных докладов международной научно-практической конференции «Имя в истории: А.В. Суворов», состоявшейся в Кобрине в рамках празднования 285-летия со дня рождения великого полководца. В этом номере предлагаем вашему вниманию окончание выступления Шевченко Максима Михайловича, кандидата исторических наук, доцента исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

заинтересованный русский читатель в военном мундире легче всего мог заключить, что Наполеона надо изучать, а Суворовым – гордиться. В перспективе это означало, что при малоприложимости к конкретно русским условиям знаний из области наследия французского полководца обращение к полководцу русскому начнет превращаться со временем в безжизненный культ, малоспособный должным образом оплодотворить умы и сердца последующих поколений отечественных военных. Защищая честь своего героя от недобросовестных иностранных писателей, Милютин подчеркивал: «Если сравнивать первостепенных полководцев разных времен, то должно беспристрастно сознаться, что некоторые из них, быть может, стоят выше Суворова в... том, что составляет, так сказать, *механизм* военных действий. Но в отношении *нравственной стороны* военного дела – можно смело сказать, что Суворов был одним из самых великих военачальников: едва ли кто другой превосходил его... в особенностях в том безграничном влиянии, которое он имел на войска». Но из исследования добросовестнейшего позитивиста в целом оставалось не очень ясным, как же именно и почему Суворову удавалось такого добиться.

Изменения в мировоззрении образованного русского общества, протекавшие в XIX столетии, чем дальше, тем больше делали этот яркий образ человека, сочетавшего в себе глубокую укорененность в русской православной религиозной традиции с европейским профессионально-научным кругозором и мастерством практического синтеза, при всей его мнимой простоте, все более трудно воспринимаемым для последующих поколений. В одном сочинении, опубликованном в 1846 году, славянофил А.С. Хомяков как-то приводил рассказ о «старом барине», к которому из-за границы приехал молодой сын, с которым у того пошли частые споры «о всем русском и нерусском в России. Раз случилось, что сын сказал ему: «Разве не нашему просвещенному времени принадлежит слава побед и самое имя великого Суворова?» Старик обратился к осьмидесятилетнему отставному майору, давно уже отпущившему седую бороду, и спросил: «Что, Трофим Михайлович, похожи были Суворов и его набойные солдатики на моего Мишеля и его приятелей?» Разговор, – по словам Хомякова, – кончился общим смехом и долгим, басис-

тым хохотом седого майора, которому эта мысль показалась нестерпимо смешною. Молодой денди сконфузился».

На мой взгляд, для отечественных историков, начиная с Милютина, природа конфликта Суворова с императором Павлом I, по существу, осталась неясной. Было очевидно, что полководец был задет пруссамией самодержца. Некоторые отмечали, что Павел стремился искоренить злоупотребления в армии, а суворовское окружение было здесь не без греха. Значит, нетерпеливый и вспыльчивый царь был, по сути, прав, а старый фельдмаршал отреагировал как желчный и самолюбивый человек с тяжелым характером. Недооценено было главное – Павел, приказав Суворову распустить его штаб, уничтожал существовавший в мирное время орган боевого командования войсками, фактически превращая Суворова из полководца в администратора или, в лучшем случае, инспектора.

В последующую эпоху наполеоновских войн эта сложная проблема оптимального сочетания в военной системе строевого и административного начала решалась при достаточном уважении требований первого. Эмпирическим путем в России в это время была создана система высшего военного управления, особенно близко подошедшая к той модели, которую впоследствии назовут классической прусско-германской, в которой ведущую роль играл полностью независимый от военной администрации Большой Генеральный штаб – детище Г. фон Мольтке-старшего. Во второй половине XIX – начале XX веков, в эпоху массовых армий, когда особое значение приобрело качество штабного управления войсками, эта модель и обеспечила Пруссии и Германии превосходство. Эта была максимально приближавшаяся к идеалу постоянно действовавшая система научной подготовки войны.

В России в эпоху императора Николая I опасность развития административной сверхцентрализации в ущерб строевому началу еще исключалась благодаря наличию в мирное время группы независимых от военного министра главнокомандующих на важнейших стратегических направлениях, наличие в мирное время общевоинских корпусов из трех родов оружия с постоянными штабными структурами, сводившее до минимума любые элементы импровизации в их области при начале войны, строгое соблю-

Милютин Дмитрий Алексеевич. Генерал-Адъютант. Военный министр (1861-1881). Картина неизвестного художника второй половины XIX в.

дение принципа недробности состава дивизий.

Но военная система с главенствующей ролью военного министра, созданная в 1860-70-х гг. в результате реформ Милютина, уже имела серьезные органические недостатки, заложенные в самой их концепции. Это, во-первых, невозможность развития в России независимого органа управления и планирования. Во-вторых, засилье административного элемента в ущерб строевому («военная бюрократия») и оторванность военной науки от строевой, повседневной жизни войск. Отсюда следовали непоправимые ошибки в планировании войны, недоразвитость штабного управления крупными войсковыми массами, организационные импровизации на театре войны, ведущие к снижению и потере боеспособности соединений – так называемая «отрядомания». Эти черты русской военной организации сами по себе не были органически связаны с наличием или отсутствием в России тех или иных социальных или политических институтов, будь то, скажем, самодержавная монархия или сословный строй.

Керсновский был совершенно прав, когда писал, что, упраздняя корпус, «язву нашей военной системы – «отрядоманию» – Милютин делал нормальным порядком вещей», «Милютин смотрел на ведение боя бюрократически – он совершенно пренебрегал духовной спайкой начальников и подчиненных, взаимным их доверием, рождающимся в живом военном организме за долгие годы совместной службы в мирное время», «положительные результаты милютинских реформ были видны немедленно... Отрицательные же результаты выявлялись лишь постепенно, десятилетие спустя, и с полной отчетливостью сказались уже по уходе Милютина».

Если в Освободительную войну 1877-78 гг. русские войска вели высший командный состав, который в подавляющем большинстве, как и генерал Д. А. Милютин, был воспитан и выдвинут еще в нико-

лаевскую эпоху, то в Маньчжурii в 1904-05 гг. распоряжался генералитет, сформированный и отобранный военной системой, сложившейся в результате реформ 1860-70-х гг. Русско-японская война показала возможности созданной Дмитрием Алексеевичем военно-административной организации, позволившей перебросить полмиллиона войск из европейской части страны на Дальний Восток – решить задачу, подобную которой еще не решала ни одна военная система в мире. Но она же показала и то, к чему вела практика импровизационных штабов, увенчавшаяся катастрофой под Мукденом. И под впечатлением войны на Дальнем Востоке в 1909 году Дмитрий Алексеевич пришел-таки к мысли о необходимости воссоздания в русской армии корпусов именно в качестве постоянных воинских соединений мирного времени.

Невольно вспоминаются слова А.В. Суворова, сказанные им в предвидении последствий тенденций, заложенных в нововведениях императора Павла I: «Всемогущий Боже, даруй, чтобы зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно».

Потом ситуация Мукдена с незначительными нюансами будет повторяться в Первую мировую войну при Танненберге, у Мазурских болот, в Августовских лесах. Кризис боевого управления войсками будет иметь место в 1940 году в войне СССР против Финляндии, примет грандиозный масштаб в начале Великой Отечественной войны в 1941 году...

Таким образом, та концепция, которую увидит читатель трудов А.А. Керсновского, и сегодня представляется в высшей степени актуальной, достоянием самой уважительной и вдумчивой критики.

**Максим Шевченко
(Москва, Россия)**